

Валентин ПИКУН

ПСЫ ГОСПОДНИ

ВЕЛИКАЯ СУДЬБА РОССИИ

Валентин Пикуль

Янычары

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Янычары / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,

Содержание

От автора	11
И осталась от них только музыка	12
Часть первая	15
Прелюдия первой части	15
1. На берегах «Коровьего брода»	19
2. Кто скажет правду?	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валентин Саввич Пикуль

Янычары

В предыдущих комментариях, чтобы окончательно не запутать читателя, я умышленно не касалась данного романа. На титульном листе написано: начат 26 апреля 1989 года. С этого момента невозможно ответить – над чем конкретно работал Пикуль. Я привыкла, что у Валентина Саввича в параллель шла работа над двумя или даже тремя вещами. Но в последний год его жизни творилось что-то невообразимое. Представьте, что после «Ступай и не греши», которую он написал за пятнадцать дней (!), отрешившись на это время от всего остального, дальнейший перечень его интересов включал одновременно: вычитку и редактирование только что законченного «бульварного» романа, работу над «Барбароссой», работу над «Янычарами», работу над серией новых миниатюр для третьего тома. В конце перечисления я не поставила союз «и», ибо его нужно отнести к роману о нефти, который, еще не отложенный Пикулем в сторону, лежал на столе, продолжая «мозолить глаза». Да и «Янычары», как увидим ниже, не простой роман, а – трилогия.

Трудно даже представить себе, как можно держать в голове сразу столько нитей, довольно мало связанных между собой повествований.

Писать о романе «Янычары» весьма затруднительно, точнее – очень сложно, поскольку надо проследовать за мыслью Пикуля теми же извилистыми, запутанными, порой невообразимо труднообъяснимыми путями.

Не буду долго интриговать читателя, сразу скажу главное: публикуемый здесь отрывок должен дать представление о произведении, в котором Валентин Саввич решил объединить давно задуманные, но по отдельности так и не реализованные романы – «Янычары», «Пирамиды» и «Лицо жестокого друга».

Чтобы быть абсолютно честной, я должна некоторые абзацы этого комментария начинать словами: «по всей видимости...» или им подобными, несущими вполне конкретную смысловую нагрузку.

Дело в том, что на различных этапах творческих исканий Валентин Саввич делился со мной планами написания каждого из названных романов. Но подробный разговор о том, как и почему он решил слить их воедино, у нас состояться не успел.

Поэтому к некоторым умозаключениям я пришла самостоятельно в результате кропотливого изучения всех записей и пометок Валентина Саввича, относящихся к этим романам, – работы, похожей на следовательскую, когда версии требуют документального подтверждения.

Впервые слово «янычары» я услышала от Пикуля в 1983 году, когда под его диктовку записывала один из планов. Я попросила пояснить малознакомое слово и, если можно, коротко рассказать о романе. Валентин Саввич с охотой выполнил просьбу. Из его очень доходчивых объяснений мне стала понятна и основная сюжетная линия романа, и я узнала, в частности, что янычары – это особая часть турецкой армии, представляющая собой профессиональное войско, свободное от семейных забот. Создано оно было в XIV веке. Первоначально оно комплектовалось из плененных юношей, позже путем насильственного набора мальчиков из христианского населения Османской империи. Они были прекрасно обучены военному делу, воспитаны в духе мусульманского фанатизма, отличались большим мужеством.

Спустя некоторое время я вновь услышала упоминание о янычарах, но в контексте восторженного рассказа Валентина Саввича о делах и смерти Байрактара. Тогда же неоднократно прозвучало и название – «Лицо жестокого друга».

Сначала я подумала, что Валентин Саввич пишет миниатюру, так характерно было название и концовка рассказа – в миниатюрах Пикуль, как правило, прослеживал путь своего героя до последних дней его жизни.

Короткое, «миниатюрное», но яркое знакомство с пикулевским героем почти всегда вызывает желание узнать о нем побольше, познакомиться с ним поближе. Я попросила Валентина Саввича подсказать, где об этом можно почитать, и он дал мне книгу А.Ф. Миллера «Мустафа-паша Байрактар».

В этой интереснейшей книге много познавательных и поучительных уроков из истории Турции периода Селима III и Мустафы Байрактара. По многочисленным подчеркнутым местам было ясно, что Пикуль работал с этой книгой, выпущенной в 1947 году, неоднократно.

Очевидным становилось и то, что миниатюрой здесь не обойтись. Пометки Пикуля высвечивали направленность поисков. Его интересовали не столько сами личности Селима и Байрактара, сколько глобальные исторические вопросы. Главное было – выяснение причин, приведших к развалу, распаду, потере независимости и превращению в полуколонию великой Османской или, как еще встречается, Оттоманской империи. Империи, разбросившей свои владения к концу XVIII века на три материка: территория ее включала средиземноморское побережье Африки от Алжира до Египта, побережья Красного моря и Персидского залива, большую часть побережья Черного моря от Анапы на востоке до Очакова на западе, и простиралась по землям Европы от Молдавии до Албанских берегов Адриатики.

Тайным политическим кружком «рущукских друзей» (это первая в истории Турции, если не партия, то во всяком случае политически оформленная группировка) во главе с выдающимся турецким деятелем Мустафой Байрактаром и была предпринята попытка, как оказалось – запоздавшая, спасти империю от расчленения и гибели.

Как я и предполагала, миниатюра не состоялась. Но появился почасовик и постоянно разрастающаяся папка с записями, из которых явствовало – это новое будущее произведение В. Пикуля. В голове у него был уже и конец книги, о чем говорят приводимые здесь мной фотокопии.

На записке после зачеркнутых фраз: «Начало, которое можно назвать концом» и «уничтожение корпуса янычар», следует абзац, к которому Пикуль делает пометку – «В конец книги» (выделено мной. – А.П.). Он гласит:

«Кемаль Ататюрк, могила Байрактара:

– здесь лежит человек, который хотел того же, чего достиг я, но... я бы не хотел такого конца, каким был конец этого человека».

В папке лежал и следующий листок.

«Так закончилась жизнь этого незаурядного человека, Мустафы-паши Байрактара, и лицо жестокого друга России мы попытались обрисовать в нашей книге по возможности справедливо и полно.

Европа его не поняла, Россия не поверила ему, а соотечественники люто ненавидели этого «знаменосца» (Байрактар в переводе с турецкого означает – прапорщик, знаменосец. – А.П.). Развитие Турции, вновь отданной во власть бандитов-янычар и ханжесей-улемов, было приостановлено на долгие годы. Блистательная Порта доживала свой мучительный век в корчах долгой агонии...»

В 1911 году прах Байрактара был разбужен свистком паровоза, которому могила бывшего «знаменосца» мешала свершать путь до Стамбула, и останки великого визиря были перенесены на новое место – за ограду мечети Зейлеб-султан, по соседству с дворцом Топкапу.

На этом и должна была заканчиваться третья, заключительная часть романа «Янычары», названная Пикулем – «Лицо жестокого друга».

Вторая часть романа – «Пирамида» – также замысливалась как самостоятельное произведение.

«Величественная и всегда таинственная тень от египетских пирамид ложилась на все события Европы и всех героев того времени».

Пирамиды фараонов, вечно молчащие, возвышающиеся над людской суетой, стали свидетелями многих радостных и печальных событий, происходящих на этой священной земле.

Об одном из них, связанном с походом Наполеона Бонапарта на Египет и его покорением, и хотел рассказать в своей книге Валентин Пикуль.

В название романа он вкладывал широкий, точнее – двойной смысл. Пирамиды... Памятники старины Древнего Египта...

Их величие неподвластно времени. И это ощущение Пикуль переносил на людей, оставивших заметный след в мировой истории, незабвенная слава которых возвышает их, подобно пирамидам, над бранным миром. Речь в романе должна была идти о трех таких «пирамидах»: Наполеоне Бонапарте, Федоре Ушакове и Горацио Нельсоне и их противостоянии на морских и сухопутных коммуникациях.

Автор на протяжении нескольких лет собирал материал, давно был составлен почасовик, продуман план, определены герои и сюжеты, оставалось уточнить только некоторые детали и факты.

В 1989 году, оформляя заказы на комплектование библиотеки по месту своей работы, просматривая при этом планы издательств на следующий год, я обнаружила информацию о предстоящем выходе в серии ЖЗЛ книги В. Ганичева «Ф. Ушаков». Зная, что Ушаков – один из главных героев романа – его «российская пирамида» – я поделилась своими сведениями с Валентином Саввичем. Он был несколько огорчен этим сообщением, но при состоявшейся вскоре личной встрече с Ганичевым ничем не показал этого и даже участливо порекомендовал главному редактору «Роман-газеты» использовать в работе «Записки Метакса».

В характере Валентина Саввича была добродетельная и хорошая черта: никогда «не перебегать дорогу» коллеге по перу. Однажды их творческие дороги уже пересекались при работе над эпохой Екатерины II, когда из-под пера Пикуля вышел сильно нашумевший «Фаворит», кстати опубликованный впоследствии в «Роман-газете», а Валерий Николаевич написал роман «Росс непобедимый», первую книгу которого Валентин Саввич прочитал и высоко оценил.

Поэтому он на время отложил рукопись, пояснив мне:

– Пусть выйдет книга Валерия Николаевича, пусть с ней познакомятся читатели, а потом я допишу свою.

Видимо, это обстоятельство также стало одной из причин, по которой роман «Пирамиды», путем смещения и перераспределения акцентов, превратился во вторую главу уже другого романа.

Искусственного в этом ничего не было, поскольку события всех романов приблизительно совпадали по времени, пересекались по географии и имели общих действующих лиц.

Вот одна из большой кипы заметок Пикуля:

«В 1789 году произошли два важных события, и одно из них – взятие Бастилии французами – заметили все люди, а второе событие – восшествие на престол Селима III – заметили только дипломаты.

– Пусть с этим султаном возятся одни русские, – рассуждали политики, – а Европе он пока не учинит бед, ибо султан еще молод, а его любимая сестра Эсмэ уговаривает его заключить мир с Россией, пока русские не... совсем озверели...

Селим опоясал свои чресла мечом Османа как раз в том году, когда Потемкину-Таврическому оставалось жить всего лишь два года, а императрице Екатерине Великой оставалось царствовать всего семь лет...

...Султан говорил о французах:

– Они глупцы! Им кажется, что стоит казнить короля и взорвать Бастилию, как народ сразу обретет счастье. Так не бывает. Вот именно сейчас-то и начнутся все несчастья для французов, ибо нет такой революции, которая бы приносила людям облегчение – всегда свергнутая власть оказывалась лучше той, которая стала управлять народом, сидя на обломках Бастилии».

Имеющийся в наличии архивный материал позволяет судить о том, что «Пирамиды» тоже были уже вчера закончены. Но... вчера.

В объемистой папке находится детально проработанный почасовик и пронумерованные листы рукописи с многочисленными вставками и заметками. Вот на клочке бумаги его пометка: «Внимание. „Пирамиды“ закончить 1801 годом, когда последние французы ушли из Египта, продавая женщин».

Есть целые отдельные страницы, содержащие тот или иной законченный смысловой эпизод. Например, такие:

«В десятый день священного мухаррама 1213 года (24 июня 1798 года) в Каире узнали, что три дня назад подошли к Александрии английские корабли и стали спрашивать жителей – не было ли здесь французов? Сеид города Кураим сказал очень грубо, чтобы убегали обратно в море, ибо ему одинаково противны все франки и все англезы. Англичане вежливо попросили Сеида, чтобы позволил взять на корабли запасы пресной воды, но Сеид даже воды им не дал, говоря такие слова:

– Это страна султана турецкого, а вы уходите прочь!

Как сказано в Коране, «бог свершает дела, записанные в его предначертаниях», – Кураим прогнал англичан с эскадры Нельсона, которые были заняты поиском тулонской эскадры Бонапарта, и, будь Сеид повежливей, история Египта, может быть, писалась бы несколько иначе, нежели мне предстоит писать вам...»

Валентин Саввич перебрасывает мостики от древних пирамид до современности, просматривая не только жизнь героев, но и их потомков. Вот еще одна страница рукописи:

«Исторически совсем недавно – 18 марта 1965 года – в одном из ресторанов Рима полный мужчина в черных очках и с белой астрой в петлице ужинал с дамой легкого поведения. Судя по тому, как он не скупился на изысканный ужин, официант решил, что клиент не знает счета деньгам. Пора уже было расплачиваться за ужин по счету, когда вдруг мужчина судорожно схватился за горло и упал лицом в тарелку с недоеденной пищей, разбрызгивая пикантный соус. Дама, чтобы избежать общения с полицией, тут же встала и торопливой походкой покинула ресторан.

Вызвали полицию и врача, который определил смерть от внезапного инфаркта. Полиция, чтобы установить личность покойного, выгребла все содержимое его карманов. Секретарь записывал:

– Миниатюрное издание Корана в переплете из чистого золота. Пистолет и две обоймы. Две ассигнации по тысяче долларов и одна в пятьсот долларов. Запасные очки со стеклами зеленого цвета. Футляр с лекарственными пилюлями...

Документов не оказалось. Комиссар римской полиции долго всматривался в разбухшее и неприятное лицо мертвеца:

– Узнать его можно – это Фарук, последний король Египта, который умер так, что не стоит удивляться, как не удивились бы мы, узнав, что Черчилль умер на трибуне парламента...

Да, это был Фарук, изгнанный из Каира революцией Нассера и решивший, что жизнь можно доиграть в роли «короля» ночных шантанов, числясь гражданином княжества Монако, где для таких, как он, издавна крутилась безжалостная рулетка. Наследники Фарука объявили розыск сокровищ, вывезенных королем из Каира, но после долгих поисков обнаружили лишь тощую чековую книжку: все уже было пропито, проедено и потрачено на красавиц краткой курортной любви. Так закончил свою жизнь этот пьяница, бабник и мот – потомок того самого человека, который заложил основу процветания угасшей династии».

Много интересного и даже ошеломляющего материала находится в этой папке. Иногда при чтении возникает растерянность – о чем писал Пикуль? О состоявшемся распаде блистательной Порты или о предстоящем развале Союза?

Не будем гадать...

По крайней мере, я знаю, что много устно и письменно высказанных Пикулем мыслей стали пророческими.

В моем дневнике есть такая запись от 25.04.89 года: «Валентин Саввич просит принести стихи Редьярда Киплинга».

Пролистывая на работе поэтический сборник, я пыталась угадать – какие стихи поэта могли бы заинтересовать Пикуля? И вот одноместник Киплинга на столе писателя. Он берет его и быстро перелистывает страницу за страницей.

– Вот они, нашел, – и читает своим выразительным голосом:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И с места они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землей
На страшный господень суд.

– Вот за это тебе спасибо, – довольно улыбается он. – Я возьму эти строчки эпитафией к новому роману. Помнишь, я рассказывал тебе о событиях на Ближнем Востоке в последние годы правления Екатерины II и Павла. Так вот, именно сейчас у меня появилось желание окунуться в ту эпоху. Как ты на это смотришь?

Я напомнила Валентину Саввичу о «Барбароссе», срок сдачи рукописи которой давно истек, о письмах нетерпеливых читателей, жаждущих поскорее прочесть роман «Аракчеевщина».

– Роман об Аракчееве никуда от меня не уйдет, – рассуждал Пикуль, – мне даже не требуется дополнительного изучения, ибо все еще свежо в памяти после Потемкина. А роман «Янычары» должен занять свое подобающее место между «Фаворитом» и «Аракчеевщиной». Сейчас мне ближе Восток, куда я и отправляюсь в путешествие.

После этих слов он и сел за работу.

Хочу обратить внимание читателей, что все публикуемые в данной книге материалы представлены в том виде, в каком оставил их автор. Я только исправила опечатки и описки, оставив повторы, некоторые длинноты и кое-какие, может быть, неуклюжие фразы, ибо окончательно редактировать рукопись должна рука мастера...

Не на строгий суд дотошных критиков выпускается эта книга. Она для тех, кто хочет вновь прикоснуться к еще далеко непознанной глыбе, имя которой – Валентин Саввич Пикуль.

Антонина Пикуль

*Чему, чему свидетели мы были!
Игралица таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились, и падали цари,
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.*

А.С. Пушкин

*...Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И с места они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землей
На страшный господень суд.*

Редьярд Киплинг

От автора

Приступая к написанию этой вещи, я сознательно не ставил перед собой каких-либо литературных задач, разрешением которых бывает озабочен каждый писатель-романист; напротив, я желал бы даже пренебречь подобными задачами.

Мною владеет совсем иная потребность: выстроить перед читателем обширную панораму давних событий, в которых Запад и Восток противостояли один другому в их трагическом единоборстве, ставшем после гибели Византии традиционным.

Если угодно, читатель может считать эту книгу логическим завершением романа «Фаворит», ибо – после смерти князя Г.А. Потемкина-Таврического – русский кабинет продолжал тот же политический курс, какого Россия придерживалась и во времена громкой славы «светлейшего».

Но французская революция внесла в политику Европы особое ожесточение и вновь обострила борьбу за свободу тех славянских народов, которые, принадлежа Западу, издревле оставались под властью Востока...

Ах, как многое мы позорно и безжалостно позабыли!

Не пришло ли время нам вспоминать?

И осталась от них только музыка

Было очень жаркое лето 1826 года.

14 июня янычарский ага-паша объявил янычарам, что впредь не видать им баранины, пока не изучат строевых порядков – по примеру армий европейских гяуров:

– Останется вам одна похлебка! По велению нашего падишаха Махмуда, да продлит Аллах его безмятежные дни, уже приехали египетские офицеры, вызванные из Каира, которые и станут учить вас, как надо маршировать...

Посмотрели янычары, чему их учат, и сразу заметили, что каирские франты нарушают их древние уставы, заведенные от дервишей-бекташей. Из толпы раздались гневные крики:

– Да это похоже на русских солдат!

– Мы не гяуры – и мы не станем позориться!

– Эй, не пора ли тащить из казармы котлы?..

Услышав призыв выносить котлы, разом исчез ага-паша, мигом попрятались и египетские офицеры. Зато на площади Эйтмайдана появились пляшущие дервиши-бекташи, они отрывали рукава от своих лохмотьев, а янычары делали из тряпок головные повязки, крича озлобленно:

– Пусть султан пришлет нам в мешке голову своего визиря и головы семи министров, придумавших «низамджедид»... Где котлы? Скорее выносите котлы...

В ожидании котлов они «рассеялись по улицам, грабя и нападая на всех людей, кто им попадался навстречу. Янычарский ага-паша возбуждал в них особую ненависть... они ворвались в дом его, переломали там все, что нашли, и в бешенстве своем дошли до последней крайности, какую может позволить себе мусульманин: они выломали двери гарема и обесчестили всех жен его».

От янычарских казарм в сторону Эйтмайдана уже тянулась странная процессия, увидев которую, не только евреи и христиане, но даже правоверные поспешно захлопывали двери своих жилищ, а прохожие неслись по улицам куда глаза глядят:

– Ени-чери! Спасайтесь... ени-чери несут котлы!

Оркестры играли, не переставая – дико и бравурно!

На площади Эйтмайдана янычары перевернули котлы кверху днищами, они лупили в их прокопченные бока, как в боевые литавры:

– Что нам голова великого визиря и его министров! – кричали они. – Мы хотим и глупую голову самого падишаха...

Очевидец вспоминал: «Янычары срывали с себя мундиры и топтали их своими ногами, остальная же часть их одежд была уже изодрана в клочья, чтобы все видели их ярость. Разрушив дворец Порты, они разграбили его, расхитив все, что имело хоть малую цену, янычары истребили даже архивы, в которых искали уставы новых порядков...» Восстание ширилось, охватывая столицу султана. Помимо бекташей, к янычарам примкнули носильщики тяжестей и пожарные, уже начавшие устраивать пожары, чтобы султан не вздумал упрямитесь.

В самом деле, сколько уже султанов поплатились своими головами только потому, что не смогли угодить янычарам!

* * *

Прослышав о восстании янычар, султан Махмуд II укрылся в мечети; с ним были великий визирь, шей-уль-ислам – главный духовник Османской империи, топчу-баши – началь-

ник артиллерии, ага-паша янычарский и египетские офицеры, которым султан доверял более, нежели своим, турецким.

– Наймите крикунов, – повелел он, – и пусть они кричат на Эйтмайдане, что я дарую янычарам свою милость, если они унесут котлы с площади обратно в казармы...

С небывалым высокомерием янычары высмеяли крикунов, возвещавших о милости падишаха, и велели передать султану, что в его реформах они не нуждаются, маршировать в строю, как гяуры, они все равно не станут, ибо привыкли ходить толпою, а их ятаганы страшнее любого европейского оружия:

– Саблей добытое царство Османов – саблей и удержится!

Узнав от крикунов, что янычары не желают убирать котлы в казармы, султан Махмуд II сказал своему визирю:

– Янычары возле моего Сачис Счастья – это такие же зажавшиеся мамелюки Каира, которых Махмед-Али Египетский не стал уговаривать, а просто перебил их всех, как собак... Янычары привыкли переворачивать свои котлы, но я, великий султан и падишах, могу развернуть Санджак-шериф, подобный благоуханному кипарису в саду моих неоспоримых побед!

«Санджак-шериф» – легендарное Зеленое знамя Пророка, пошитое, как гласило поверье, из халата самого Магомета. Шейх-уль-ислам сразу пал ниц, умоляя своего властелина не трогать священного знамени, которое жители турецкой столицы не видели уже целых полвека.

– Разве ты забыл, о великий падишах, что последний раз Санджак-шериф они видели, когда русские угрожали нашей империи, хранимой Аллахом, и тогда возникла нужда в созыве ополчения... Разве ты не боишься нашей черни?

– Нет, не боюсь, – отвечал султан. – Я согласен варить для них похлебку и давать им мясо, которое алчно пожирали мои янычары...

Он оказался прав. За много веков жители Константинополя уже столько пострадали от своеволия и жадности янычар, что теперь они охотно пришли на помощь султану. Санджак-шериф, извлеченный из казенных хранилищ, был – при чтении Алкорана – торжественно пронесен на кафедру мечети султана Ахмета. Махмуд II верно учел силу людских предрассудков, и когда народ сбегался к нему, чтобы коснуться складок одежд самого Магомета, он проклял всех тех, кто в этот миг оказался не с ним, а гремел котлами на Эйтмайдане.

– Начинайте, – указал он топчу-баши...

На помощь прибежали с кораблей галионджи-матросы, с ними объединилась и великая армия бостанжи-садовников, все вооруженные. Прямо в ажурные ворота, что были украшены вывеской «Здесь султан кормит своих янычар», с грохотом вкатилась пушка, извергающая лавину картечи. Другие орудия, расставленные по флангам Эйтмайдана, беспощадно расстреливали янычар в упор, и они, стиснутые домами, ограждающими площадь, метались в поисках спасения. Не сосчитать, сколько здесь со времен Сулеймана Великолепного полегло баранов, сожранных янычарами во славу Аллаха, как не сосчитать и того, сколько полегло янычар на «мясной площади» столицы...

Нет, не битва, а подлинное избиение длилось два дня – 15 и 16 июня. Эйтмайдан был завален горами трупов, когда уцелевшие янычары искали спасения в своих казармах, отстреливаясь от народа из ружей.

– Сожгите их, – повелел султан...

Пламя разом охватило громадные здания ветхой постройки, а жители радовались, наблюдая, как с верхних этажей прыгают объятые ужасом янычары, и тех, кто оставался жив, турки безжалостно добивали. Напрасно янычары прятались в подвалах, на чердаках и даже в колодцах – их всюду находили и убивали. Целую неделю подряд палачи султана работали без отдыха: рубили головы, вешали, удушали шнурками, рассекали янычар на множество кусков. Все улицы Константинополя были завалены трупами, среди которых бегали бездомные собаки, отгрызая мертвым янычарам носы и уши. Очевидец писал: «Несколько дней на арбах и теле-

гах вывозили мертвые тела янычар, которые были брошены в воды Босфора. Они плавали по волнам Мраморного моря, а поверхность вод так была покрыта ими, что трупы даже препятствовали плаванию кораблей...»

– Умерщвляйте всех! – повелел султан, стоя под Зеленым знаменем Пророка. – Разгоните пляшущих бекташей, топите пожарных в Босфоре, убивайте носильщиков тяжестей...

По улицам столицы бегали люди, восхваляя Махмуда:

– Слава нашему великому и мудрейшему, нашему могучему и непобедимому, нашему ужасному султану!

Махмуд навеки запретил даже произносить имя янычар, предав их проклятью, он повелел уничтожить на кладбищах все их могилы, украшенные войлочными шапками, по бокам которых торчали острые уши. А после истребления янычар турки взялись за бродячих собак, гигантские стаи которых носились по улицам столицы, вечно голодные, алчущие добычи. Но с собаками поступили гуманнее: их отлавливали сетями, сажали на корабли – и они отправились в почетную ссылку на Принцевы острова, ставшие позже курортом международного значения.

Махмуд II, покончив с корпусом янычар, создавал новые войска, которые велел называть «Силами Магомета». Через несколько лет в Турцию прибыл молодой прусский капитан с орлиным профилем – это был Гельмут фон-Мольтке, будущий знаменитый фельдмаршал бисмарковской эпохи.

Это он, тогда еще не великий, взялся переучивать войска султана на европейский лад. Мольтке водил эти войска в сражения против курдов, он сражался с египтянами в Сирии, он тщательно готовил турецких солдат для войны с Россией...

Кажется, я снова – в какой уже раз! – предлагаю читателю роман о политике, заквашенной на крови народов.

Что был тогда Запад и каким стал Восток?

* * *

Понимаю, что писать об янычарах сейчас не принято.

Если о них и вспоминают, так больше музыковеды.

От прошлых времен могущества великой империи Османов нам, читатель, осталась лишь великолепная «янычарская музыка». И теперь, когда в праздничные дни с улицы доносятся браваурные марши военно-духовых оркестров, когда неистово грохочут барабаны и лязгают медные тарелки, мы не догадываемся, что в призывах воинственных маршей невольно оживает то проклятое время, когда при слове «янычар» люди в ужасе закрывали глаза, а матери хватали детей, чтобы бежать прочь, чтобы спастись...

Все это было! В прошлом многое было.

Наконец, читатель, слушая классическую музыку Глюка, Бетховена, Гайдна или Моцарта, мы распознаем воинственные мотивы тех отдаленных времен, когда от вкуса янычарской похлебки или свежести куска мяса порою зависели многие перемены в восточной политике государств европейских...

Я остаюсь верен себе и стану писать о том, о чем писать ныне не принято! Итак, смелее...

Часть первая Новые времена (1789–1798)

Не приставайте ко мне со своей Европой, которая всем нам давно надоела! Если мы, мусульмане, и не такие воспитанные люди, какие имеются в Европе, то мы все же не сумасшедшие, как вы о нас думаете...
Сарым-эфенди

Прелюдия первой части

Наступили новые времена, а над просторами Средиземноморья по-прежнему раскручивалась стародавняя «роза ветров!» – трамонтане, леванте, маэстро и свирепо задувавший сирокко.

В самом конце 1789 года торговый бриг «Пенелопа» покинул Марсель, заполнив трюмы товарами для французских негодантов, проживавших в Каире; немногочисленные пассажиры разместились в каютах, среди них были женщины с детьми.

Плавание не сулило особых тревог, а четыре тупорылые карронады, расставленные по бортам, вселяли уверенность в благополучном исходе плавания. Капитан уже не раз ходил до Александрии, и теперь уверенно провел «Пенелопу» между Корсикой и Сардинией. Но пассажиры брига были очень встревожены, когда он избрал путь намного южнее Сицилии, не пожелав следовать Мессинским проливом.

– Пощадите нас и наших детей, – зывали женщины. – Разве вы не извещены, что в открытом море нас подстерегают тунисские корсары? Мы не имеем богатых родственников во Франции, чтобы выкупали нас из мусульманского рабства.

– Ваши волнения напрасны, – утешал капитан робких. – Я нарочно прижимаюсь к Мальте, ибо тамошние рыцари зорко стерегут торговые пути, предупреждая алчность тунисского Хамуда-паши. Поверьте мне, дамы и господа, что ваши жизни не закончатся постыдной продажей на невольничьих рынках...

Да, были причины для страха, ибо Тунис высылал на разбой не менее ста кораблей, и встреча с каждым из них грозила путникам вечным рабством, детей разлучали с матерями, а матерей продавали в гаремы. Впрочем, золоченая грудь «Пенелопы» легко и смело рассекала лазурные воды, а в один из дней, когда миновали утесы Мальты, им встретилась скампавея мальтийских рыцарей, с ее кормы повелительно окликнули:

– Во имя святого Иоанна – остановитесь!

Скампавея несла паруса, но силе ветра помогали гребцы, прикованные к веслам: это были бритоголовые мусульмане, пойманные в недобрый час на морском разбое, и теперь осужденные грести до скончания века – во славу того же христианского Иоанна. Два корабля недолго качались один возле другого. Супрокамито, начальник мальтийского судна, расфранченный, словно придворный Версаля, прокричал в сторону брига:

– Следите за ветром, чтобы вас не отжало к берберийским берегам, а к Александрии спускайтесь лучше от самого Крита, дабы избежать нежелательных встреч с корсарами.

– Мы так и сделаем, благородный супрокамито! – обещал ему капитан «Пенелопы». – Благодарим за добрый совет...

Паруса брига забрали попутный ветер, и он сулил пассажирам, что через три дня покажутся берега древнего Пелопоннеса. Дети, игравшие на палубе, оказались самыми зоркими.

– Корабль! – закричали они. – За нами гонится корабль...

Сближение казалось неотвратимым. Скоро капитан распознал зловещую символику ужасного флага: оскаленный череп в перекрестии берцовых костей, рядом с ними трепыхалось изображение песочных часов, отмерявших краткие сроки человеческой жизни.

– Уберите детей, – хмуро наказал он женщинам. – Укройтесь в каютах и запритесь изнутри. Будем отстреливаться...

«Пенелопа» прибавила парусов, матросы тащили тяжелые карронады в корму, укладывая их в ящики с песком. Капитан, посерев лицом, молитвенно сложил руки, послав мольбу к небесам:

– Именем Сладчайшего Иисуса, Спасителя нашего, да пусть же все четыре пушки выстрелят на погибель неверных!

В ответ пираты выстрелили поверх палубы брига не ядрами, а связкою базарных гирь, скрепленных звеньями цепей (это был «книппель» для разрывания оснастки). Над головой капитана с оглушительным треском лопнули напряженные триселя – «Пенелопа» сразу смирила свой бег по волнам, лишенная скорости.

– Мы пропали! – разбежались матросы от пушек...

Капитан в ужасе закрыл лицо, когда форштевень корсара с хрустом насел на корму «Пенелопы», безжалостно сокрушая рамы оконных стекол, а в кормовые поручни брига разом вцепились острые крючья абордажных интрепелей.

– Стойте! – закричал он пиратам. – Разве короли Франции не платили дань паше Туниса, чтобы не трогал его кораблей?

Капитан ожидал кровавой ярости абордажа, но – странно! – пираты остались на своем судне, а на борт «Пенелопы» легко перепрыгнул лишь один человек, который, улыбаясь, отвечал капитану с акцентом природного гасконца:

– Стоит ли все поминать королей Франции, если в этих краях дань с европейцев собирают старинным способом?..

Корсарам явно не терпелось взобраться на палубу брига, чтобы опустошить его трюмы, но этот «гасконец» удержал их резким повелительным жестом. Его голову украшал тюрбан с высоким пером страуса, из-за пояса коротких штанов торчали рукоятки пистолетов и ятогана, убранные жемчугами.

– Кто вы такой и откуда вы? – спросил капитан, удивленный его речью. – Вы из Алжира или из Триполи?

Пират был босым, но держал себя на палубе «Пенелопы» столь уверенно, словно скользил туфлями по воощеным паркетам парижских салонов. Отвечал же он с явной насмешкой:

– Увы, я с острова Джерба... вы дрожите?

– Дрожу, – честно сознался капитан.

– Слышу стук костей вашего скелета. Да, на этом замечательном острове доньше возвышается пирамида из христианских черепов, в которых когда-то зрели мысли об отмене варварских принципов рабства. Впрочем, в нашей веселой столице собралась компания, для которой религиозные или национальные различия не имеют никакого значения.¹

Капитан вручил победителю свои пистолеты:

– Я... сдаюсь. Но, чувствуя в вас европейского человека, взываю к вашему милосердию. Ваше появление устрасило пассажиров, доверивших мне свои судьбы. Не разлучайте женщин с детьми! Я вас очень прошу... я вас умоляю!

Пират с акцентом гасконца вернул пистолеты капитану:

¹ Джерба – остров возле берегов Туниса, давняя столица берберийских пиратов, где евреи распродавали их добычу на рабовладельческих рынках стран Магриба; пирамида из черепов христиан была уничтожена лишь в 1837 г. стараниями европейской дипломатии. Сам же остров живописен и плодороден, а его первобытные жители лотофаги (пьянившие себя вином из лотоса) упоминались еще Гомером в IX песне его «Одиссеи».

– Они вам еще пригодятся. Но вы оказались догадливы, взывая о милосердии именно ко мне, ибо тюрбан ренегата накрывает слишком горячую голову человека, воспитанного на рассуждениях Дидро и Вольтера... Ваш скелет спокоен?

– Да! – вспыхнул капитан. – Но в своих речах вы просто издеваетесь надо мною. Кто вы такой, еще раз спрашиваю я вас?

Корсар выразил желание выпить хорошего вина. При этом он сказал, что окончил парижский колледж Рауля Гаркура, в котором из него хотели сделать добропорядочного кювье.

– Поверьте, коллега, я бы, наверное, исправно поклонялся богоматери, если бы не вмешался дьявол, доказавший мне, что в мире, где царствуют деньги, – братство и равенство – это смешная утопия. Дьявол однажды нашептал мне, что все человечество делится лишь на богатых и бедных. Уяснив это, я задержал на пустынной дороге дилижанс, быстро оказавшись под королевской виселицей, после чего и спасался на острове Джерба. Вы, надеюсь, хорошо поняли меня, капитан?

Капитан понял, что с «висельником» лучше не связываться, и покорно отдал ему связку ключей от грузовых трюмов:

– Недаром же вы так настойчиво гнались за нами, чтобы иметь верную добычу... Так я согласен – грабьте!..

– А что у вас в трюмах? – равнодушно спросил пират.

– Сущая ерунда для европейской колонии в Каире – свертки сукна лионской выделки, бочки с желтой охрой, немного бумаги, оконные стекла, две сотни зеркал и мешки с сахаром.

– Не ради же этого я гнался за вами! – хохотал пират.

– Так чего же еще вам надобно от меня, черт побери?

Пират с удовольствием выпил просимого им вина.

– Я настигал вас совсем по иным причинам, более значительным, нежели ваши жалкие товары. Поверьте, моя душа давно жаждет не добычи и крови, а иного... совсем иного!

– Чего же? – удивился капитан «Пенелопы», глянув на рваные снасти и поникшие паруса, лохмотья которых развеивал ветер.

В ответ последовало признание пирата:

– Ах, знали бы вы, как тяжело жить без... газет. Если вы плывете из Франции, так скажите – что там за жизнь?

Теперь пришло время хохотать капитану:

– Неужели до вашей Джербы еще не дошло, что в Париже народ штурмовал Бастилию, разбросав ее камни?

– Впервые слышу, – обомлел пират.

– И если вам дороги прежние идеалы юности, так вам лучше покинуть Джербу, а дома для вас, наверное, сыщется дело...

Корсар торопливо допил вино, глянул с опаской.

– Я вам не верю, – произнес он с угрозой. – Не хотите ли вы одурачить меня, желая улизнуть от нас поскорее?

– Что надобно для того, чтобы вы мне поверили?

– Мы на Джербе знаем, что Россия снова воюет с Турцией, так расскажите, кто там побеждает – или султан Абдул-Гамид русскую царицу Екатерину или Екатерина султана?

– Русские уже штурмовали Очаков, – пояснил капитан, – но Абдул-Гамид спятил и умер, пресыщенный излишествами жизни, а престол занял Селим Третий, который, кажется, не намерен продлевать войну с русской царицей, благо в империи Османов даже кошки воют от голода... Может, показать вам газеты?

– Да! Я хочу видеть газеты, – воскликнул пират. – Дайте мне хоть клочок газеты – и я не стану удерживать ваш корабль! Но я перевешаю всех вас на реях, если не сыщете газеты...

Зато как он обрадовался, когда пассажиры вынесли из своих кают целый ворох ведомостей, парижских и гамбургских, и, покидая палубу «Пенелопы», корсар-гасконец шепнул капитану:

– Очевидно, вы столь наивны, что решили попасть в Египет, спускаясь к нему с широты Крита, – так вот, в благодарность за все ваши новости, я хочу предостеречь вас, что Хамуд-паша стережет неверных именно на этих курсах... Мой добрый совет: плывите вдоль берега – и будете в безопасности!

– Не знаю, как и благодарить вас за такое предупреждение.

– А я не знаю, как благодарить вас за известие о том, что французы разломали Бастилию...

Два корабля, столь разных, медленно разошлись.

Боже праведный, из-за чего волнуются люди?

Парижане штурмовали Бастилию, требуя свободы и хлеба, а этот пират стрелял из пушек, желая почитать свежие газеты...

Конечно, он узнал, что в мире немало перемен!

1. На берегах «Коровьего брода»

Весна 1789 года выдалась ранняя, но Сладкие Воды турецкой столицы не оживляли ни пение бродячих певцов, ни говор беззаботных женщин, ни крики разносчиков сладостей.

Длинные хвосты, остриженные от черных кобылиц, гордо реяли над фасадом Серая, возвещая правоверным о том, что их великая Оттоманская империя продолжает войну.

С батарей Топ-Ханэ стучали арсенальные пушки, им вторили с Босфора корабли эскадры капудан-паши. Молодой султан Селим III приехал в мечеть Эюба-Джами, где и опоясал свои чресла мечом Османа (этот жест заменял ему «коронацию»).

– Как не слепить сладкой халвы из пресного снега, – сказал он, – так без реформ не возродить былое величие империи османлисов. Закроем же свои рты, чтобы шире открылись глаза... Спящий спящего разбудить не способен. Но если все вы еще спите, так я уже пробудился, и устрашу вас всех, спящих!

В один из вечеров прусский посол Дитц навестил здание «Палэ де-Франс», спрашивая парижского посла:

– Вступление Селима на престол было почти угрожающим. Как вы мыслите, граф, чего следует ожидать от нового султана?

– Кажется, – отвечал Шаузель-Гуфье, – Селим станет для Турции подобен тому, чем был для России царь Петр Великий, и ему предстоит такая же борьба с янычарами, какую вел русский царь со стрельцами. Головы покатаются... Но я боюсь, как бы среди множества голов не затерялась и голова этого реформатора.

– Вы, граф, намекаете на...

– Не бойтесь договаривать, – усмехнулся посол Франции. – В отличие от других султанов, Селим, опоясываясь мечом Османа, прежде не задушил своих кузенов Мустафу и Махмуда, а посему на престоле Османов еще возможны всякие комбинации...

Глубокой ночью прусский посол торопливо писал в Берлин о султани Селиме III: «Этот государь, имея немалые способности и деловитость, будет несомненно стоять выше своих подданных, и, кажется, именно ему предстоит роль преобразователя государства, закосневшего в своем величавом упрямстве...»

Но прежде, читатель, нам предстоит побывать на берегах древнего «Коровьего брода», где минареты мечетей, словно тонкие карандаши, казалось, выписывали на небесах заклинания Пророка.

* * *

Первый в мире Осман оставил потомкам-османлисам одну ложку, одну солонку, чалму и рубаху, истлевшую от пота.

Византия была самой памятной жертвой Запада, и пришельцы с Востока отпайвали свою конницу – из мраморных гробниц византийских императоров, их раскосые жены заквашивали тесто в торжественных саркофагах былого величия. Победители крошили в труху солнечные изваяния богинь Эллады, выделявая из них известку для побелки стенок в мечетях, а бронзовые бюсты героев античного мира они отправляли на переплавку, чтобы отлить пушки для осады крепостей. Одна из таких пушек весила 700 тонн, ее таскала по грязи сразу сотня волов, она метала мраморные ядра, каждое стоимостью в 1200 ливров.

Первый Осман, счастливый обладатель единственной ложки, не узнал бы своих наследников: на гончих собаках султанов красовались попоны из голубого бархата, а охотничьи леопарды, преследуя ланей, сверкали бриллиантовыми ошейниками. Запад дивился Востоку, Запад восхищался Востоком, он жестоко боролся с Востоком, не раз покоряясь силе его ору-

жия, и Восток привык торжествовать свои победы над «франками» – так мусульмане называли не только французов, но и вообще всех европейцев.

Ослабление Османского государства началось не тогда, когда Россия времен князя Потемкина в двух войнах дважды ставила султанов на колени. Не будем так думать! Нет, сначала Османы испытали разгром на море в битве при Лепанто осенью 1571 года, когда великий Сервантес потерял руку; второй разгром Турция испытала на суше в 1683 году, когда ее гигантскую армию, пожелавшую выйти на берега Рейна (!), полностью уничтожил под стенами Вены польский король Ян Собеский.

Но Турция оставалась великой и мощной!

Кстати, османлисы считали оскорблением, если их называли... турками. В турецком понимании «турок» – это невежда, достойный всеобщего осмеяния, в русском языке синонимом этого слова было бы выражение «сиволапый мужик». Турцию, как это ни странно, сплотило не национальное единство (какого у нее никогда не было), а лишь заветы мусульманской религии, и со времен первых Османов это был сброд различных кочевых племен, туркмен и, как подозревают историки, даже монголов; потом к этим выходцам из глубин Азии прикнули побежденные, уверовавшие в могущество Магомета, и даже те, кого победители силой заставили в него верить. Европейский же тип лица турок сложился по той причине, что их гаремы были составлены из рабынь, купленных на базарах или плененных во время походов на Польшу, Россию, Украину, Венгрию и прочие страны. Перед нами исторический парадокс: турки еще сами не сделались нацией, когда они уже создали необъятную Оттоманскую империю из покоренных ими народов...

XVIII столетие подходило к концу, а великая Османская империя широко раскинулась на трех континентах сразу – в Азии она простерлась до берегов Персидского залива, почти примыкая к Индии; в Африке обладала арабскими странами – от Гибралтара до Красного моря, в Европе она угнетала балканские народы и греческий; султанам принадлежат Крит, славный в древности лабиринтами, в которых обитало чудовище Минотавра; султаны владели и благоуханным Кипром, где нынешние киприоты по сей день показывают то место на пляже, на котором вдруг вышла на берег прекрасная Афродита, рожденная из морской пены...

Итак, читатель, Бастилия пала, но туркам не было до нее никакого дела. Едикюль (Семибашенный замок на берегу Босфора) высился нерушимо, и штурмовать его османы не собирались. Когда же в Порте узнали о провозглашении во Франции республики, турки приняли ее за новую королеву Версалья, а великий визирь Юсуф-Коджа воскликнул:

– Тем лучше для нас! Молодая королева Республика, надеюсь, не выйдет замуж за старого венского эрц-герцога...

Константинополь для историков, Царьград для славян, а Стамбул для турок, – этот город жил своей жизнью, и множество его нищих взывали о милосердии. Все корабли султана были заняты войной с эскадрой русского адмирала Ушак-паши (Ф.Ф. Ушакова), подвоз провизии из провинций нарушился, столицу Османов терзал голод. Обвешанные колокольчиками, на улицах зябко тряслись попрошайки, а бубенцы, громко названивая, предупреждали прохожих (правоверных и неверных), чтобы к ним близко не подходили – это звонят прокаженные.

Томно закрыв глаза, они сами рассказывали о себе:

– По воле Аллаха, что у богатого в мошне, то я вижу только во сне. Чашка моя давно пуста, но я целую ее в уста. В моей похлебке из репы даже редиска кажется маслом...

Я, автор, бросаю нищему свой последний пиастр издали, не приближаясь к нему, чтобы не заразиться. Я испытываю давний страх перед чернью Стамбула, ибо по сравнению с нею «чернь времен Римской империи являлась собранием мудрецов и героев», – это не мои слова, так о черни турецкой выразился Карл Маркс, и мой пиастр, брошенный издали, как бросают мясо собаке, очень точно был уловлен в чашку прокаженного. Но тут же к нему подошел моло-

дой янычар, который смело выгреб из чашки нищего подавание, сложил монеты в карман своих необъятных шальвар и, свистнув, он пошел дальше...

Янычар – это тоже чернь, но – чернь, ставшая элитой!

* * *

Еще в первозданной древности мира божественная Ио, возлюбленная легендарного Зевса, опасаясь ревности Геры, однажды превратилась в корову и переплыла Босфор, отчего этот пролив греки называли «Коровьим бродом». Само же имя столицы Стамбул – от греческого «исламбол», что означало «пойдем в город», но турки переводили «исламбол» на свой лад – для них Стамбул звучал как «изобилие ислама».

Константинополь, подобно Риму, возник на семи холмах.

Этот обломок Византии, давшей Руси свет христианства, обмывали воды Мраморного моря, от него начинался узкий Босфор, а бухта Золотой Рог обрамляла Константинополь вроде драгоценного браслета. Прямо в море острым мысом выступал султанский дворец Топкау, возле него высилась громада Айя-Софии, а в глубине улиц громоздился квартал янычарских казарм. Неподалеку от них, на том самом месте, где во времена Византии размещался скаковой ипподром, теперь грозно шумел Эйтмайдан (Мясной базар), а его ажурные ворота украшала гордая и выразительная надпись:

ЗДЕСЬ СУЛТАН КОРМИТ ЯНЫЧАР

Какой уж век – день за днем – тут вырезались стада баранов, чтобы каждый янычар получил в дар от султана большой кусок мяса, истекающий теплой кровью. Как бы ни голодали жители Константинополя, янычар это не касалось: казенную похлебку и кусок мяса они все равно получают! Мимо ворот Эйтмайдана прохожие пробегали с опаской, зато здесь бесстрашно крутились на босых пятках бекташи – «вертящиеся дервиши», давние покровители янычарского войска (ени-чери). Турецкая столица замирала в ужасе, если янычары выносили свои котлы из казармы, переворачивая их кверху дном, что означало их недовольство султаном или визирем.

Люди бежали по улицам, как можно скорее запирали двери своих домов, оповещая соседей истошными воплями:

– Ени-чери! Спасайтесь... ени-чери несут котлы!

Вынос же котлов означал, что янычары требуют крови.

Столице грозили смуты, пожары, грабежи и убийства.

Впрочем, было одно неписанное правило: если сановник султана, уже обреченный на смерть, ухитрялся спрятаться в янычарском котле, он считался невинным, приобретая звание «друга янычар». Только вот вопрос – как добежать до Эйтмайдана и как нырнуть в котел... Мало кому это удавалось!

Подалее от зловещего Эйтмайдана, на берегу Золотого Рога, широко раскинулся обширный квартал Фанар, отстроенный почти европейски, чистоплотный и благоустроенный, в котором из окон не выплескивали помои на головы прохожих. Здесь проживали фанариоты – потомки тех византийцев, которые, не изменив вере предков, изменили своему народу, оставаясь на службе турецких деспотов; фанариоты ценились султанами как превосходные драгомены (переводчики), необходимые для дипломатических переговоров с иностранцами, ибо сами османы изучением европейских языков никогда себя не утруждали. В квартале Фанар проживал и греческий патриарх – тоже православный.

На другом берегу Золотого Рога уютно разгорались огни торговой Галаты, где во времена Византии селились генуэзские негоцианты. Галата – сплошной базар, где можно купить не только драгоценное ожерелье ювелиров Венеции, но даже и соленый русский огурец. Здесь реже слышать турецкий язык, забиваемый выкриками на албанском, сербском или болгарском наречьях; евреи, чтобы их никто не понял, вообще предпочитали староиспанский, и, казалось, что на торжищах Галаты хуже всего понимали как раз язык властелинов – османов. А в лавках крытого рынка распродавали пленниц. На вес золота ценились дебелие и жирные, с русыми волосами. Их ставили на весы, как скотину, и чем больше женщина весила, тем дороже была ей цена. Потом рабыню уводили за ширмы, где покупатели совали ей в рот пальцы, заставляя кусать их, и по силе прикуса устанавливали степень ее любовной пылкости, после чего продавец и покупатель торговались о стоимости «прекрасной альмеи».

Далее, к северу вдоль Босфора, протянулись кварталы Пера, напоминавшего города итальянской провинции; самые лучшие и мощеные улицы здесь были населены европейцами, в Пера находились русское посольство и французское – «Пале де-Франс», издавна враждебные одно другому, как извечные соперники в восточной политике. В закоулках Пера торговали европейские магазины, тут можно было встретить женщин, не скрывавших свои лица. Но чтобы женщин не похитили, их сопровождали наемные кавасы – звероподобные арнауты, не снимающие ладоней с рукоятей пистолей и ятаганов.

В столице Османов чудом уцелели от пожаров и землетрясений редкие дома бывлой Византии, внешне схожие с теми, что бывали еще в древней Помпее; их отличали балконы, нависавшие над улицами, и узкие щели окон, чтобы удовлетворять потаенное любопытство византиек (такие же балконы потом строили и турки, дабы не скучали их жены, заточенные в гаремах). Под сенью этих балконов всегда нависали гнезда ласточек, а в окнах были выставлены цветы. Мы, читатель, тоже выставяем горшки с геранями на подоконниках, даже не задумываясь о том, что эта житейская привычка досталась нам из подражания Византии, а византийцы перенимали вкус от гордых патрициев Рима...

Но Восток оставался Востоком! Чтобы скрыть свои доходы от налогов в пользу султана, османы нарочно строили свои дома безобразными снаружи, но их нищенские фасады скрывали царственную роскошь внутри покоев. В кривых переулках почти внаклонку, прижимаясь один к другому, стояли развалюхи бедняков, в тупиках улиц догнивали свалки отбросов, на которых кормились сотни тысяч бездомных собак. Собак, лежащих посреди улиц, турки обходили стороной, не трогая их, ибо собака в Турции считалась таким же священным животным, как и корова в Индии. Между домами бродили громадные крысы, остро нюхающие зловоние, порхали над крышами голубиные стаи, а по ночам Стамбул раздирали вопли котов и кошек, жаждущих чего-либо одного – любви или рыбки.

Странно! Уголовных преступлений в Константинополе почти не бывало; жители квартала, в котором преступление случилось, облагались большим штрафом, – так что не только асес-баши (полиция), но и сами горожане следили за подозрительными людьми в своих кварталах. Порядок в ночном Стамбуле тоже был идеальный. По ночам люди по улицам не шли, а сидели дома. Если же у кого возникала надобность, то он был обязан ходить с фонарем. Прохожих без фонаря арестовывали и посылали на заготовку дров для общественных бань.

Таких бань в Константинополе было великое множество!

Мусульмане всегда рады помыться, а их жены проводили в банях целые дни – даже не ради омоений, а чтобы посплетничать о своих строгих мужьях. Европейец, давая денег жене, обычно говорит: «На тебе – на булавки!» Мусульманин, одаряя жену пиастрами, скажет иначе: «Вот тебе – на баню...»

* * *

Чувствую, что осталось сказать последнее.

На другом берегу Босфора, уже не на европейском, а на азиатском, высилась дивная панорама Сутари, венчанная кипарисами и смоковницами, издалека благоухающая кустами акаций.

Прекрасная лестница, ведущая от пристани в сторону skutарийских кладбищ, называлась «Меит-Искелли» (дорога смерти).

Знатные османы, жившие в Константинополе, на европейском его берегу, всегда помнили, что их далекие предки вышли из Азии, а потому они, их потомки, желали быть погребенными непременно в Скутари – на азиатском берегу Босфора.

Среди множества могил плясали «вертящиеся дервиши», а по пятницам в Скутари играли бравурные янычарские оркестры.

А вот мне, автору, стоит только закрыть глаза, и сразу видится волшебная Ио, которая, превратясь в корову, переплывает Босфор, за которым лежит город новых мифических чудес...

Верить ли мне в чудеса или не верить?

Лучше я стану верить...

2. Кто скажет правду?

Сераль – и фантазия рисует гарем с одалисками, Диван – и нам представляется удобное ложе для отдохновения. На самом же деле Сераль – резиденция турецкого султана, а Диван – это его правительство во главе с великим визирем. Но султан Селим III был одинок в Серале, а в Диване видел сборище своих противников.

– Все мнят себя мудрецами, – жаловался он. – Но если все умные, то где взять дураков, чтобы пасли наших овец? ...

Селим III, могучий ростом, был человеком очень сильным, ему бы впору бороться на улицах Стамбула – ради «бакшиша», собираемого с ротозеев. На соревнованиях по стрельбе из лука султан не только поражал цель, но его стрела летела дальше всех (на 890 метров). Однажды, желая польстить ему, великий визирь Юсуф-Коджа назвал султана «Самсоном», и получил ответ:

– Если я и Самсон, то уже ослепленный неправдами этого мира, и не лучше ли сразу разрушить храм, чтобы под его обломками погибли и все вы... мои лживые рабы! Как не видел я ног у змеи, так не вижу и мудрости в людях...

Селиму исполнилось 28 лет. Лицо султана, источенное оспой, сохранило отпечаток той утонченной красоты, какой обладала и его мать – Михр-и-Шах, украденная в Грузии для гарема отца; горячая грузинская кровь, сдобренная острыми приправами мусульманского фанатизма, часто управляла поступками султана. Впрочем, Селим III был достаточно образован и начитан; он писал недурные стихи; его влекло к мистике, музыке и поэзии. Империя досталась ему в развале хаоса – военного, административного, финансового.

Своей любимой сестре Эсмэ он говорил:

– Если бы не война с русскими, мне было бы легче насытить голодных и усмирить недовольных. Но пока Екатерина режет громадный арбуз, мы никак не можем поделить свои жалкие орехи.

– Будь жесток, – поучала султанша брата, – и храни тебя Аллах от избытка слов, ибо сейчас в Стамбуле вязанка дров или ломоть лепешки важнее любых обещаний. Даже нищие устали слышать о наших бедствиях на Дунае... Наконец, избавь страну от визиря Юсуфа, живущего воровством и взятками.

Долгобородый Юсуф-Коджа начинал жизнь с того, что заваривал кофе для матросов, имея лавчонку на кораблях военного флота, а теперь... он и визирь, он и главнокомандующий, он и раб!

– Непойманный вор все-таки намного честнее вора пойманного, – отвечал Селим. – Да и где взять другого с такой длинной бородой, чтобы внушать почтение другим ворам?..

Со времен Сулеймана Великолепного (современника русского царя Ивана Грозного) все турецкие султаны обычно следили за работой Дивана через окошко, вырезанное в стене над сидением великих визирей. Селим III первым нарушил эту традицию Османов, появляясь открыто – уже не мусульманское божество, а как живой человек, обладающий земной властью.

– Наше будущее осталось в прошлом, – объявил он министрам, – мы отстали от Европы не на год и не на два года, а сразу на полтора столетия, и, как во времена Сулеймана, наши пушки стреляют булыжниками. До сих пор наши книги переписываются от руки – страна не имеет даже типографии. Смотрите мне прямо в глаза, не отворачивайтесь... Я стану вас бить, и вы сами знаете, что битый ишак скачет быстрее небитой лошади... Где же ваша правда?

Правды не было. Один лишь колченогий шейх-уль-ислам, верховный муфтий Атаулла, осмелился возразить султану:

– Ты решил оседлать муравья, чтобы, взобравшись в седло, возить на своих руках еще и верблюда... Не гневи Аллаха, о великий султан! Сначала ты раздавишь под собой бедного муравья, нашу империю, а тебе не удержать верблюда...

В воротах Баби-Гумаюн, ведущих к Сералю, перед Селимом высыпали из мешков гору ушей и носов, отрезанных у взяточников, казнокрадов, обманщиков и торговцев, обвешивавших покупателей. На базарах с утра до ночи истошно вопили купцы, уши которых были прибиты гвоздями к дверям их лавок, и эти гвозди из ушей им выдернут только завтра, чтобы наказуемый до конца жизни помнил: торговать надо честно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.